

Марина КРАВЕЦ

Лямбда Т

Искусство — это сердце, способное мыслить.
Ш. Гуно

Вступление,

в котором автор объясняет читателю, чем вызван несколько старомодный стиль повествования, а также даёт ему, читателю, совет

Милый моему сердцу читатель, сразу скажу, что тема моего эссе, или наброска-воспоминания, или незаконченного рассказа — назови как угодно — один день из жизни французского композитора девятнадцатого века Шарля Гуно. Но почему любой рассказ я всегда начинаю с одной и той же точки отсчёта, с моей бабушки? Наверное, это объясняется тем, что мы прожили вместе девятнадцать лет, она рассказывала мне интересные жизненные истории, воспитывала, утешала, любила и понимала меня. Мне, впечатлительному ребёнку, казалось, что герои детских книг и бабушкиных рассказов живут где-то неподалёку и всегда могут прийти в гости, как наши родственники. Моя бабушка была необыкновенно общительна, знала по именам всех соседей в доме, имела множество близких приятельниц и дальних знакомых; *post factum* вижу её мудрой и обладающей большой жизненной стойкостью.

Вспоминаю, как бабушка, большая рукодельница, собирается шить платье для одной из моих кукол: она набирает разные лоскутки, обрезки ленточек и кружева, нитки, иголки и булавки, всё это вместе со старинными серебряными ножничками и обязательным напёрстком складывается в большую коробку, и начинается волшебный процесс шитья. Так и я — собираю и бережно разглаживаю разрозненные лоскутки воспоминаний, сшиваю важное и второстепенное, событие — стежок, встреча — ещё один... вот уже вырисовывается картина жизни, а перо с капелькой чернил на острие, словно иголка с ниткой, продолжает колдовать.

Если же читатель посчитает утомительным рассматривать множество маленьких стежков на большом полотне повествования и захочет, чтобы автор провёл его сразу по прямой дороге, без всяких ответвлений, прямо в середину девятнадцатого века, в тот самый февральский день 1848 года, в некий парижский музыкальный салон, где произошёл самый крутой поворот в жизни Шарля Гуно, — в таком случае дам совет: пусть мой милый нетерпеливый читатель начинает чтение с пятой главы, пропустит шестую и перейдёт к последней, седьмой.

Когда ко мне приходит дорогой гость и, отодвигая всевозможные закуски, стремится сразу отведать основное блюдо — что ж, не буду настаивать, тогда — пятая и седьмая главы. Мне-то, гурману, важно, чтобы рецепторы языка вначале попробовали солёное и кисло-сладкое, горьковатое и терпкое, а потом... Но только тебе, моему читателю, судить, хорошо ли приготовлено угощение, достаточно ли вложено мастерства и души, равномерно ли растворились специи — слёзы, надежды, искры детской радости, не слишком ли долго стояло блюдо на огне, и т.д. и т.п. Заглянула в конец рассказа: вдруг на ум пришёл рецепт «фальшивого зайца», в котором нет и в помине того самого зайца; не так ли в моём рассказе «В поисках Шарля Гуно» совсем мало Шарля Гуно... посмотрим.

Добавлю, что для меня попытка литературного изложения — не только сюжет, чувство, язык, стиль, это ещё ниточка, которая связывает воспоминания, живущие в сердце и душе, с реальностью и фантазией; перо бежит и бежит вперёд, и вот уже вязь слов ложится на лист бумаги, и гладким получается полотно рассказа, а если и встретятся на нём узелки, то это — узелки памяти.

...Итак, всё-таки начинаю с бабушки, с моей любимой бабушки Брониславы...

Глава первая,

в которой появляются бабушкины приятельницы и Моцарт, а также намечается жизненный путь автора

Мне было всего четыре года, когда мамы не стало, папа очень скоро женился, и у меня появилась мачеха. Квартиры разменяли, я и бабушка Бронислава, мамина мама,

стали жить на Чёрной речке, а папа с мачехой — в районе Сенной площади. Была ещё дача, далеко, в Сестрорецке у залива, старый деревянный дом, но приезжали мы сюда по очереди, почему-то бабушка говорила, что всем вместе не разместиться.

Бабушка часто брала меня с собой, как она говорила, «в город», в центр, то есть на Невский проспект. Это было долгое путешествие на «двадцатке» — трамвае номер двадцать; доезжали до кольца, заходили в Елисеевский, там бабушка покупала фунтик развесных, немного морщинистых фиолетово-чёрных маслин и коробочку яблочной пастилы, потом шли мимо бронзового Пушкина на Михайловскую улицу к бабушкиной приятельнице тётё Рае, пили чай из тонких чашек в форме цветка, я гладила шелковистую длинноосу таксу по имени Ролик и вполуха слушала воспоминания о военном детстве. Во время блокады трёхлетнюю Раю вместе с детским садом эвакуировали в Сибирь, её старший брат Саша ушёл в ополчение, годы проредили многочисленную когда-то семью; сейчас в этой большой квартире жили только тётя Рая и её брат.

В хорошую погоду дядя Саша выходил в сквер на площади Искусств с шахматами под мышкой и Роликом на поводке, а дома читал газеты, что-то в них подчёркивал, иногда вырезал и каждый раз спрашивал у меня одно и то же:

— Маргаритка, это ты ли? Воз хэрцах а фун вэлт?¹

Мне ещё не исполнилось пяти лет, когда бабушка потащила меня в гости к другой своей приятельнице, чтобы та, преподаватель музыкальной школы при консерватории, подтвердила мою пригодность к профессии музыканта. Казалось, всю комнату занимал рояль, на котором громоздился кипа нот. Тётя Инна, так звали эту строгую даму, нажимала клавиши, хлопала в ладоши, выстукивала разные ритмы на его крышке и просила меня повторять. Пока я крутилась на круглом винтовом стуле у рояля, бабушка тихо сказала тётё Инне:

— У ребёнка необыкновенные способности, и есть в кого: её прадед по отцу был гомельским кантором, дед тоже прекрасно пел, а способности передаются через поколение!

Чувствовалось, что бабушка напирает на тётю Инну, та пыталась сопротивляться:

— Очень рано, Броня, слишком рано, она же не Моцарт!

— Инночка, пойми, я не вечна; ребёнок может остаться в жизни совсем один, кто знает, будет давать уроки музыки, а это в любые времена хороший кусок хлеба с маслом...

— Ладно, хорошо, давай начнём с осени, ей хотя бы исполнится пять с половиной.

Так моя судьба была определена, и в пять с половиной лет я села за инструмент, без которого уже не мыслю своей жизни; хотя навсегда запомнила, что я не Моцарт...

Глава вторая,

в которой мелькают другие родственники автора, а также куклы и Полина Виардо

Сегодня у папы день рождения, пришли гости — родственники и друзья. В квартире, где папа живёт с моей мачехой, две комнаты, взрослые празднуют в большой гостиной, стол раздвинут и удлинён кухонным так, что ещё чуть-чуть — и его хвост высунется в коридор; в маленькой комнате устроен «детский стол» — наполеон бабушкиного изготовления, орешки в меду (мачеха называет их «тэйглах»²), птифуры, фрукты, вишнёвый компот — настоящий сладкий рай! Мне шесть лет, двоюродной сестре Асе семь, она хвастается новеньким школьным ранцем. Здесь же, одетые в одинаковые белые рубашки, два троюродных братца, они кажутся почти дяденьками, им с нами неинтересно: мы с сестрой не понимаем анекдоты. За маленький столик сажают и Вову, сына нашей дальней родственницы Розы, его длинные ноги упираются в стол, сам он похож на взрослого ребёнка: у бедняги большая голова странной формы, не совсем чёткая речь, он вспыльчивый, но отходчивый и очень добрый. «Детский розум», — вздыхает бабушка... Минуту назад Вова разошёлся: Роза заглядывает к нам посмотреть, ест ли её сыночек, и говорит:

— Вова, возьми кисточку винограда!

Тогда Вова начинает кричать:

— Кисточку! Кисточку! Кисточка для бритья, а это — кисть!

Его быстро успокаивают, и он предлагает нам:

— Давайте играть в прятки!

Жарко, весело, мы выбегаем в коридор. Вова никак не может справиться со считалкой: «Вышел ёжик из тумана, вынул ножик из кармана...» Вдруг слышу, как дядя

¹ Что слышно на свете? (*Идиш*).

² Кондитерское изделие в виде шариков теста, сваренных в сахарно-медовом сиропе, принято есть в Новый год (*идиш*).

Сеня, папин друг, поёт под гитару: «Быть может, вот так же где-то в буфетах Парижа, Бордо стояли за виногретом Тургенев и Виардо»...

Это стихи Василия Аксёнова, недавно я нашла эту песенку целиком, муз. Алексея Мальгина:

*В столовке грохот и рокот,
Запах борщей и каш.
Здесь я увидел локоны,
Облик увидел ваш.
В бульоне плавал картофель,
Искрился томатный сок...
Я видел в борще ваш профиль,
И съесть я борща не смог.*

*Быть может, вот так же где-то
В буфетах Парижа, Бордо
Стояли за виногретом
Тургенев и Виардо.
«Тефтели с болгарским перцем», —
Вы скажете свысока.
Хотите бифштекс из сердца
Влюбленного в вас чудака?*

— А кто такой Виардо? — спрашиваем мы с Асей.

— Не такой, а такая; сто лет назад жила французская певица, Полина Виардо, муж разрешал ей иметь детей от других мужчин, — отвечает моя бабушка. Она работает на полставки консультантом в отделении акушерства клиники им. Д.О. Отга... и поэтому видит мир исключительно через призму репродукции человека.

— Как это? — мы с Асей замираем.

— При детях! — возмущается мачеха.

Наши троюродные братцы остаются со взрослыми, а мы с Асей возвращаемся в «детскую» и начинаем играть в «концерт». Большая немецкая кукла Галя в синем бархатном платье с белым кружевным воротником и белых башмачках, в синем берете с пёрышком становится Полиной Виардо, мелкие пластмассовые пупсы — это её четверо детей; кукле Ане, поменьше размером и постарше, с отломанным пальцем и поцарапанным носом, достаётся роль няни, она кормит пупсиков пирожными, пока кукла Галя-Полина, стоя на стуле, с моей помощью поёт и кланяется.

Полина Виардо и была той ниточкой, которая привела меня к Шарлю Гуно...

Глава третья,

в которой автор вспоминает о некоторых замечательных событиях культурной жизни Санкт-Петербурга, а также признаётся в любви любимому городу; признаётся в любви и Тургенев — Полине, а ещё читателю становится понятно, что автор не станет писателем

Бабушка услышала по радио, что завтра, 14 августа 2001 года, состоится открытие памятника Тургеневу на Манежной площади. Мне уже было семь лет, бабушке — шестьдесят пять, всё реже затевались поездки «в город», в Елисейский, чаепития с тётёй Раей плавно трансформировались в долгие телефонные разговоры, но открытие памятника — большое событие, его нельзя пропустить. Мы недавно прочитали «Муму» и разучили романс «Утро туманное», так что я знала, кто такой Тургенев, и представляла себе его очень грустным человеком.

...Автор не предупредил читателя в предисловии, что иногда любит отвлечься, но никогда не упускает нить повествования; сейчас, пока трамвай катится по Литейному к Невскому, как раз можно сделать небольшое отступление.

Каждый новый памятник в Санкт-Петербурге — это буря споров и противоположных оценок. Самый свежий памятник — Александру Блоку — вызвал просто шквал негодования, в соцсетях требовали его демонтажа; когда появился памятник Гоголю на Малой Конюшенной, знакомый художник сказал, что у человека в позе покоя не могут быть так явно очерчены ягодицы шинелью; полусамодельный памятник Иосифу Бродскому на Васильевском острове, сложенный из обычных кирпичей и каменных блоков, вообще не признан официально. Больше всего, наверное, досталось Шемякинскому Петру Первому в Петропавловской крепости, вначале чувствуешь отторжение, глядя на непропорционально маленькую голову Петра, непонятное выражение лица, и по контрасту с сомнительным образом — тщательно проработанный камзол с тысячью пуговок, точно воссозданные по моде петровского времени туфли;

кажется, что в глубоком кресле сидит костюм с приделанной головой. Не понимали, не принимали, ругали, критиковали, а теперь смотришь и видишь, как золотом блестит нос, до которого трудно добраться, палец и туфля Петра, натёртые туристами «на счастье»... петербуржцы, особенно ленинградцы, назначают встречи «у Пушкина», «у Голя», «у Медного всадника»; думаю, мой город настолько велик — и в прямом смысле, и духовно — что вбирает в себя и грандиозную Екатерину, и маленького Чижика, приживаются и солдатики в стене Михайловского замка, и новые аллегорические фигуры Летнего сада, и «дедушка» Крылов, и Грустный ангел в вязаном шарфике — скульптуры и памятники всех стилей и эпох.

...Мы с бабушкой успели к началу открытия памятника. На мероприятии присутствовал сам градоначальник Владимир Яковлев, с эстрады выступали с речами писатели и поэты, артисты читали отрывки из произведений Тургенева; не обошлось без эксцесса: какой-то уличный интеллигент выкрикнул, что полы тургеневского пиджака разной длины.

— Вот встанет ваш Иван Сергеич, а пиджачок-то кособокий! Металлу пожалели! Халтура!

Правдолюбца быстро увели, но с тех пор я каждый раз обращаю внимание на этот досадный недочёт. Сидит бронзовый, немолодой, грузный Иван Сергеевич Тургенев в позе Юпитера из нашего Эрмитажа, опираясь на посох, который должен символизировать его любовь к путешествиям (надо полагать, во Францию, к Полине), а на деле добавляющий ему десяток лет, и с тоской смотрит на окна дома напротив, «Дома радио». В этом доме 1 ноября 1843 года Иван Сергеевич Тургенев был представлен оперной певице Полине Виардо, влюбился в неё как мальчишка, а чуть позже и вовсе уехал в Париж вместе с семейством Виардо, как он сам говорил — жить «на краю чужого гнезда»; уехал вопреки воле авторитарной матери, которая называла предмет тургеневской любви «проклятая цыганка». Пока проходит торжественное открытие памятника, автор позволяет себе ещё одно небольшое, но очень важное отступление.

В 1840 году, незадолго до встречи с Тургеньевым, девятнадцатилетняя Мишель Фердинанда Полина Гарсиа Ситчес, уже хорошо известная любителям оперы, вышла замуж за композитора и директора Итальянского театра, Théâtre Italien в Париже, Луи Виардо. Луи, старше Полины на двадцать один год, боготворил свою избранницу. Теперь делом всей его жизни стала карьера жены. Полина была ослепительно красива, прекрасно образована, занималась музыкальной композицией, свободно владела несколькими языками, в дальнейшем и русским, но главная тайна её очарования заключалась в необыкновенной артистичности и проникновенном, волнующем голосе, контральто, сочетавшем в себе изысканную технику и страсть. Современники Полины Виардо не могли прийти к согласию, каким типом голоса обладает певица: газеты того времени, в которых печатались отчёты о постановках опер и музыкальные критические статьи, отмечали огромный диапазон от грудного меццо до серебряной колоратуры без заметного перехода от низких нот к высоким. Никого не оставлял равнодушным этот чарующий голос, его называли пленительным, гибким, плавным, игривым; в рецензии «Санкт-Петербургских ведомостей» упоминается «невыразимая сладость голоса Полины Виардо», а Альфред де Мюссе назвал её уникальный голос голосом, «который исходит из души и идет в душу».

Музыкальная карьера Полины складывалась счастливо, чего не скажешь о её супружестве; светскому обществу был известен ровный, больше дружеский, чем любовный, оттенок чувства к Луи Виардо. Сохранилась переписка Полины с близкой подругой, писательницей Жорж Санд, музой Фридерика Шопена; Полина откровенно пишет, что несмотря на глубокое уважение к мужу, разочарована семейной жизнью, а в ответном письме читает бесцеремонное: «Да, Ваш Луи скучен, как ночной колпак...» Полина была женщиной удивительной широты души и благородства, впрочем, как и её супруг: она взяла на воспитание незаконнорожденную дочь Тургенева.

...Так, церемония на Манежной площади закончилась, люди медленно расходятся, рассказ продолжается... Вечером того же дня, 14 августа 2001 года, мы с бабушкой возвращались к себе домой. Трамвай «двадцатка» сползал с Литейного моста на улицу Комсомола, через пыльные окна было видно, как сверкает Нева, как полыхает красный шар закатного солнца, впечатления пережитого дня и усталость вот-вот смотрят меня... сейчас, сейчас я решу сказать одну вещь...

— Бабушка, я брошу музыку, хочу заниматься литературой, читать и писать рассказы о природе и о любви, как Тургенев, — говорю я тихо.

— Ну что ж, — спокойно отвечает бабушка, — тогда мы больше не будем беречь твои руки, и ты сможешь помогать: чистить картошку и мыть посуду.

Этого делать мне категорически не хотелось; так, даже не начавшись, не состоялась моя писательская карьера...

Глава четвёртая,

в которой автор читает письма и находит первую загадку

Время идёт, я учусь на третьем курсе консерватории, «Музыкально-инструментальное искусство», класс фортепиано. Бабушка смотрит на меня с небес, началась взрослая самостоятельная жизнь, игрушки давным-давно убраны на антресоли, но однажды во время генеральной уборки мне прямо в руки упала моя старая кукла Галя, та, которая выступала в роли Полины Виардо. Как я могла забыть своих любимых героев? А что если поискать письма Тургенева и Виардо? Интернет уже давным-давно прижился, появились соцсети и сообщества, приблизительно с 2010 года на сайте Национальной библиотеки Франции BNF¹ стали появляться оцифрованные манускрипты. Структура сайта BNF проста, в цифровой библиотеке Галлика² легко раскрываются сканированные факсимильные документы. Мне сразу повезло — нашлось несколько альбомов с письмами Полины Виардо, адресованными множеству знаменитых людей³. Это было собрание звёзд: родная сестра Полины, тоже оперная певица, Мария Малибран; Иван Тургенев, Жорж Санд, Гектор Берлиоз, Дюма-сын, Эмиль Золя, Гюстав Доре, Ференц Лист и многие другие; но самые удивительные, проникнутые нежным любовным чувством, были письма и записки, адресованные Шарлю Гуно. Ответные послания тоже хранили любовные выражения и обороты, слово *sœur*⁴ не сходило со страниц переписки. Прекрасное занятие для свободной девушки свободными вечерами — терпеливо изучать старинные документы, написанные не всегда разборчивым почерком; казалось, с экрана ноутбука на меня веет ароматом давно ушедшей эпохи...

Конечно, на музлитературе мы проходили произведения Шарля Гуно, он много работал в жанре духовной музыки, это были мессы, оратории, мотеты; также Гуно считался родоначальником лирической оперы, был автором музыки к операм «Фауст», «Ромео и Джульетта» и многим другим; о личной жизни композитора известно не так много. Википедия даёт некоторые сведения: Шарль Франсуа Гуно родился 17 июня 1818 года в Париже, в детстве увлекался музыкой и рисованием, был болезненным впечатлительным ребёнком; отец, художник, рано умер, мать поддерживала мальчика... Лицей, консерватория... но всё-таки полистаю-ка и его письма, решила я, и отправилась по проторенной дорожке в Gallica.

Закончив Парижскую консерваторию, Гуно творил в области духовной музыки, в 1839 году получил Римскую премию за кантату «Фернан», давшую возможность провести в качестве стипендиата более двух лет в Италии и некоторое время в Вене и Германии. Разочаровавшись в современном итальянском оперном искусстве, Гуно сосредоточился на изучении старинной культовой музыки. Я просмотрела письма из Италии, в которых композитор делится музыкальными и эстетическими идеями, в них же есть впечатления о Риме и рассуждения о главных принципах музыкального творчества. Он восхищается цветущей природой, новым кругом знакомых, даёт характеристики трём главным городам⁵: Рим, город души; Флоренция, город разума; Неаполь, город прелести и света, но также пишет о том, что итальянская опера кажется ему напыщенной, помпезной оперой примадонн, искусственно героической, громкоголосой и неискренней. «Мелодия — всегда самое чистое выражение человеческой мысли, и эта мысль должна быть обращена к Богу».

Чего-то не хватало... не совсем понятен резкий переход от церковной музыки к опере, который произошёл в 1848 году. Но вот находка: письма, адресованные близким и друзьям, датированные 1846-1848 гг., и произведения этого периода Шарль Гуно подписывал «Abbé Gounod» (Аббат Гуно); как известно, понятие «аббат» во Франции обозначало не только настоятеля католического монастыря, но могло относиться к любому лицу духовного звания.

Из письма Шарля Гуно Жюлю Ришому⁶, датированного 3 апреля 1846 года, виден характерный эпистолярный стиль Гуно периода 1846-48 гг.: крестик и дата в начале письма и религиозная монограмма в конце.

Неожиданно я наткнулась на загадку: в нескольких письмах этого периода после «Abbé Gounod» появляются две буквы греческого алфавита: λ.Т.

«Понедельник, 26 апреля 1847 года. Дорогой Жюль, вчера, в воскресенье, разделил с твоими милыми родителями радость, получив твоё письмо из Рима от 14 апреля...

¹ Bibliotheque nationale de France, сокращённо BNF.

² Gallica — цифровая библиотека BNF.

³ Papiers de Pauline Viardot. XIXe-XXe s.VI Album intitulé «Collections» (франц.).

⁴ Sœur (франц.).

⁵ «Mon séjour en Italie m'avait fait connaître les trois grandes villes qui sont les principaux foyers d'art de cette terre privilégiée: Rome, Florence et Naples; Rome, la ville de l'âme; Florence, la ville de l'esprit; Naples, la ville du charme et de la lumière» (франц.).

⁶ Jules Richomme, 1818-1903, французский художник, близкий друг Шарля Гуно.

До свиданья, мой дорогой Жюль, обнимаем от всего сердца тебя и будем счастливы видеть у нас...»

Под сокращённой подписью «Аббат» «Ab = Шарль Гуно» — л.Т.

Заглавная Т навела меня на мысль, что это первая буква слова Бог, Божий, первая буква греческого Θεός, написанная латиницей — Theos.

Оставалась таинственная лямбда λ, надо было её расшифровать, найти подтверждение догадке.

И я ещё глубже погрузилась в оцифрованный мир Франции середины девятнадцатого века...

Глава пятая,

в которой автор, хотя и не становится литератором, задумывает написать книгу для ЖЗЛ, пытается разгадать загадку; тот самый день в конце февраля 1848 года

Петербург — город маленький: когда я впервые привела в скверик на собачью площадку своего коричневого пуделя Арно, тогда трёхмесячного щенка, то встретила там своего препода по музлитературе Николая Николаевича Карпова, слегка напыщенного эlegantного седовласого без пяти минут профессора. У студентов для него имелось ожидаемое прозвище, явно образованное от фамилии, но будем называть его здесь Ник-Ник. Он прогуливал похожего на зайчика бедлингтон-терьера Альтика, робкого, нежного, изысканного; если приближалась крупная собака, трусишку приходилось подхватывать на руки. Зимой Альтика чаще выгуливала жена профессора, светло-серая шерсть питомца идеально подходила под цвет её шубки и шапочки из шиншиллы; в дождь или сильный мороз бедлингтона одевали в комбинезон, и выгулом занимался «папа». Ник-Ник ни за что бы не узнал меня, на курсе было больше сотни студентов, но мы разговорились о породах собак, о соответствии экстерьера и характера... как тут не перейти на Гуно, который при внешней благообразности был не чужд сильным страстей и любви к мистификациям! К счастью, наши собаки подружились, поэтому мы могли подолгу обсуждать находки, добытые в BNF. Ник-Ник подал мне идею — попробовать написать книгу для ЖЗЛ. Дилетант пишет книгу для ЖЗЛ? Кто же её издаст?

— Собирайте материал, — сказал Ник-Ник, — я подключусь.

Такая серьёзная поддержка окрылила меня. Оцифрованных писем периода 1846-48 гг. не так много, их легко скопировать и увеличить. А начиная с середины 1848 года — сразу целый ворох писем Полине. Что же происходило с моим героем в эти два года?

Когда берёшься писать книгу об исторической личности, надо не только ориентироваться в историческом контексте эпохи и знать события жизни своего персонажа, буквально прожить вместе с ним каждый день, не только изучить мемуарную литературу, но и стараться постичь помыслы героя, понять его душу; может быть, даже представить себя на его месте. Конечно, предстояла огромная работа, да ещё эти две греческие буквы не давали мне покоя, ведь разгадка пока не нашлась.

Материал для книги постепенно набирался. Нужна точность, нельзя допускать предположений, тем более что 1848 год стал поворотным в творческой и личной жизни композитора, когда он резко уходит из церкви, отходит от сочинений религиозного содержания и обращается к театру. Из французских источников мне стало известно, что молодой Гуно, вернувшись из Италии домой, в Париж, в 1843-48 гг. работал органистом и регентом в церкви Иностранных миссий, но главное, увлёкся идеями доминиканского священника Анри Лакордера, отца Лакордера¹, который читал свои проповеди-лекции в церкви кармелитов. Немудрено было попасть под влияние этого католического проповедника-доминиканца, подумала я, когда увидела его портрет: бледное одухотворённое лицо, откиннутые назад густые гладкие волосы, огромные чёрные горящие глаза, взгляд, полный страсти и глубокого раздумья. Отец Лакордер был необычным деятелем католической церкви, в прошлом адвокат, он прекрасно владел яркой, образной речью, обладал явными гипнотическими способностями; блестящий оратор-проповедник проявлял такую смелость в своих мыслях и словах, что пытался скомбинировать католическую доктрину с учением о политической свободе и правах народа; язык его проповедей современники называли «языком апостола».

Чувствительность, богатое воображение и глубокое религиозное чувство Гуно сделали своё дело: молодой композитор страстно привязался к своему учителю и стал его любимым учеником. Фанатичный учитель и способный, восторженный ученик проводили в беседах много времени; в итоге Гуно решил окончательно посвятить своё искусство церкви, более того, стать аббатом. Среди прочих документов мне попался ответ Архиепископа парижского Дени Огюста Афра, разрешающий Шарлю проживать в семинарии постоянно.

¹ «Le Pure Lacordaire», отец Лакордер, Жан-Батист Анри Лакордер, французский католический проповедник, член Французской академии; восстановитель ордена Доминиканцев во Франции.

Отец Лакордер, отбрасывая сомнения ученика и не оставляя тому выбора, одобрил его решение стать аббатом. В период учёбы в Сен-Сюльпис Шарлем Гуно написано большое количество прекрасных произведений для церкви, композитор носит сутану и готовится к посвящению в аббаты; он живёт в католической церкви Сен-Сюльпис, однако полностью не уходит из светского мира, продолжает писать друзьям, навещает мать; Гуно прожил в Сен-Сюльпис с октября 1846 года по март 1847 года.

Догадка о том, что означают две греческие буквы λ.Т. после подписи «Abbé Gou-pod», осенила меня, пока я сидела в финском аэропорту Вантаа и ждала вылета в Париж. Я обзавелась рекомендательным письмом, потом написала в Сен-Сюльпис о том, что мечтаю познакомиться с их библиотекой, получила согласие, а затем купила билеты на самолёт.

Всё оказалось просто: в конце февраля 1848 года (данные разнятся, 28 или 29 февраля), в салоне Виардо Шарль Гуно играл своё новое сочинение. Эта сцену я словно вижу своими глазами: тридцатилетний Шарль, в сутане, так гармонирующей с его тёмно-карими глазами и придающей ему особую стройность, одухотворённость и нездешность, сидя за роялем, исполняет темы из Первой симфонии D-dur... заканчивает игру, встаёт из-за рояля, к нему подходит Полина Виардо и своим нежным голоском спрашивает: «Мсье Гуно, почему вы не пишете оперы? Напишите для меня!»¹... Так Шарль Гуно навсегда снимает сутану, уходит из кармелитского монастыря и пишет свою первую оперу; то, что предназначалось Богу, теперь будет принадлежать прекрасной Полине Виардо и восторженным зрителям...

Первая опера Шарля Гуно, главная роль которой была написана для Полины Виардо, называлась «Сафо». Премьера состоялась 16 апреля 1851 года, либретто основано на сюжете о жизни и смерти знаменитой древнегреческой поэтессы Сафо. Остров Лесбос, поэтесса Сафо, неразделённая любовь, коварство, смерть... В финале Полина Виардо поёт арию «Моя бессмертная лира»². Лира — так вот же это слово, которое в греческом языке начинается на букву лямбда: Λύρα (lýra), λῑρέτα (liréta)!

«Лира Божья» — так называл себя и подписывался Шарль Гуно во время своего пребывания в Сен-Сюльпис.

Тогда в аэропорту я даже крикнула: «Ура! Лямбда Т — это Лира Божья!»

«И все же в результате сложной внутренней борьбы он отказался от намерений принять духовный сан и вернулся к искусству», — всего-то сказано в энциклопедиях по поводу самого сложного и трудного периода жизни композитора, 1846-48 гг.

Гуно обращается к опере, так как считает, что именно театр даёт возможность композитору каждодневно общаться с публикой. «У композитора только один путь для создания себе имени: театр, — пишет Гуно в своих «Воспоминаниях артиста»³, — там он ежедневно общается с публикой, он ежедневно и постоянно на виду. Конечно, строго говоря, духовная и симфоническая музыка — музыка высшего порядка по сравнению с оперной, но в первом случае композитор имеет возможность общаться с публикой лишь в редких случаях, причем концертная публика не постоянная, как в театре. У оперного же композитора огромное разнообразие в выборе сюжетов и простор для выдумки и полета фантазии. Театр меня привлекал...»

Вместе с моим героем я прожила этот непростой период в его жизни...

Глава шестая,

в которой происходит случайная встреча, автор признаётся в любви к гжазу, автору никто не признаётся в любви

Целый год я пишу книгу для серии ЖЗЛ о Шарле Гуно. Причиной, конечно, явился вовсе не интерес к Полине Виардо, а прекрасная, одухотворённая, несравненная, ни с какой другой не сравнимая музыка Гуно, такая разная, но всегда исполненная лиричности и высокой духовности, окрашенная глубоким религиозным чувством, божественно мелодичная и неустаревающая.

Уже готов план книги по главам: детство, семья, художественные и музыкальные способности маленького Шарля, его учителя, консерватория, получение Римской премии, поездка в Италию, возвращение в Париж, женитьба, рождение детей... параллельно с биографией нужно изучить развитие музыкального стиля композитора, особенностями его музыкального языка, увлечение сочинением церковной музыки, резкий переход к сочинению опер, новаторство в гениальных творениях — «Фауст» и «Ромео и Джульетта». В свободное от занятий и репетиций время я хожу, как на работу, в му-

¹ Из воспоминаний Шарля Гуно: «Я проводил многие часы с ней за пианино... и она мне сказала: «Почему Вы не пишете оперы? И т.д.»

² Ô ma lyre immortelle — ария Сафо из финала одноименной оперы Шарля Гуно, главная партия которой была написана специально для Полины Виардо.

³ Шарль Гуно, «Воспоминания артиста и автобиография».

зыкальную библиотеку нашей филармонии, читаю автобиографические «Воспоминания артиста» на французском и перевод этой книги на русский язык.

Июль, суббота, в читальном зале пусто, изучаю мемуары. Через некоторое время отвлекаюсь на появление читателя, мужчины лет сорока-сорока пяти; чуть не вдвое старше меня, в немодном, мятом, не по погоде плотном твидовом пиджаке он тогда казался мне почти стариком. Сам Михаил Юрьевич, замдиректора, вынес из закровов и положил ему на стол несколько старинных папок с партитурами.

— Ноты в оркестр принесут только в понедельник, а мне не терпится поработать, кое-что обдумать, — в полный голос сказал читатель и приступил к изучению нот, шурша листками своего блокнота, чиркая карандашом, ёрзая и что-то бормоча, чуть ли не напевая.

В читальном зале принято молчать, в крайнем случае говорить шёпотом, нарушителю шипят «ш-ш-ш, тише», но важной персоне почему-то вообще не сделали замечания. Так и хотелось сказать ему: «Разговаривающим в храме посылаются скорби и печали», — именно такая табличка установлена для туристов в Капелле Святых Ангелов семинарии Сен-Сюльпис, где учился Шарль Гуно и где сейчас вместе с ним мысленно находилась я. Вдруг воцарилась тишина, шумный читатель замолк, буквально замер на месте. Он сидел сзади, оборачиваться было бы невежливо, но мне показалось, что меня окружило какое-то сильное поле, такая ощущалась в воздухе наэлектризованность, словно материализовалась напряжённая работа мысли. Так в полной тишине прошло часа полтора, и вдруг прозвучал сигнал к окончанию работы: летом по субботам библиотека закрывалась на час раньше, в шесть вечера. От неожиданности читатель что-то выронил, и под мой стул закатился карандаш. Я достала этот короткий обкусанный карандашик, протянула его владельцу и встала, собираясь уходить.

— Да вот же наш спец по Гуно, — шутиливо сказал Михаил Юрьевич и показал на меня. — Маргарита! Подойдите, пожалуйста, вам просто необходимо познакомиться. Замдиректора растворился в хранилище, а мы с читателем вместе вышли на Невский, из-за моей скованности разговор не клеился.

— Жена уехала в Москву к сестре на несколько дней, а я решил пойти полистать партитуру. Когда ещё мне принесут ноты! Наверное, соберутся только во вторник, и то это будут, скорее всего, ксероксы, — говорил мой новый знакомый как будто сам с собой. Я молчала, что мне было рассказывать о себе? Живу одна, недавно вот взяла щенка, назвала его Арно. — Французское имячко, вы любите всё французское? Вообще-то есть такая река во Флоренции — Арно. Наш оркестр готовится репетировать оперу «Ромео и Джульетта» в концертном исполнении, как раз вашего любимого Гуно. И без всякого перехода добавил: — Мы живём в доме двадцать семь по Загородному, там, где Джазхолл. Сегодня юбилей Ершова, слышали Бориса Ивановича Ершова?

Я не знала, кто это «мы», и о джазе имела поверхностное представление, он был для меня чем-то недостижимым, тревожащим, запретным, импровизация была мне недоступна, игра без нот была, как игра без правил.

— Что вы, Борис Ершов из Ленинградского диксиленда — самое весёлое банджо на свете, ну, по крайней мере, в Санкт-Петербурге. Идёмте, как раз успеваем, послушайте большого артиста!

В полном молчании мы дошли до Литейного, сели в троллейбус, а я всё никак не решалась узнать имя моего спутника, теперь уже спрашивать неудобно; наверное, он был уверен, что его все должны знать в лицо. Поздно вечером, после того как я прибежала домой, схватила в охапку Арно и вывела на прогулку, когда стала перебирать события сегодняшнего дня, поняла, что приняла приглашение пожилого, немного странного человека, во-первых, потому, что билеты в Джазхолл для меня немисливо дороги, а во-вторых, не последним доводом «за» был мой чудесный новый чёрный льняной костюм с мережками на укороченных брючках и на воротничке, стоивший мне строжайшей экономии в течение трёх месяцев...

В зале был полумрак, концерт уже начался. Столики в Джазхолле имеют номера, нас втиснули за восьмой, прямо перед небольшой освещённой сценой. Джаз — как любовь — поражает в самое сердце, поражает наповал! Джаз сразу переворачивает все представления о правилах и законах академической музыки: вместо наших нот на попитрах, которые нужно вовремя перевернуть, здесь — маленький листочек из блокнота, буквально клочок, а то и вовсе его нет; свобода выражения в музыке, импровизация диктует свободу поведения во время игры — музыканты перемещаются по сцене, уходят и приходят, переговариваются, смеются, пьют воду... Зрители хлопают после удачных соло, а у нас это немисливо. Борис Ершов в свои восемьдесят действительно был бесподобен! Его банджо держало ритм всего диксиленда, он пел так заразительно, соединял знакомые мелодии и даже иногда подпрыгивал... зал рукоплескал! Мой новый знакомый повесил на спинку стула свой допотопный пиджак, преобразился, здесь он чувствовал себя как дома, раскланивался со знакомыми, улыбался, поглядывая на

танцпол — там пара, старый худой человек в жёлтом клетчатом пиджаке и соломенном канотье и такая же немолодая партнёрша в белом платье и длинном белом шарфе, медленно чертила замысловатый рисунок танца давно минувших лет. Иногда мой спутник смотрел на меня, но как будто сквозь меня, музыка поглотила его целиком. «Он живёт не в городе, он живёт в музыке», — думала я. С чем сравнить охватывающее тебя чувство, когда слушаешь джаз? Представьте себе дождливый день, мрачное настроение, ноги промокли, день не задался... и вдруг вышло и засияло солнце, запели птички! Нет, слабовато. Допустим, ваша семейная жизнь давно устоялась, новизны нет, всё идёт по накатанной, вы понимаете друг друга с полуслова; да, огонёк погас, но дружба, понимание, уважение, говорите вы себе, всегда приходит на смену вспышке чувств, страсти, таков закон жизни... и вдруг вы встречаете человека-двойника, сиамериканского близнеца, с которым никак не наговориться, вам сносит крышу, вы просто теряете голову, придумываете дома какие-то объяснения, а эйфория не проходит. Вы делаете массу глупостей, готовите разные милые сюрпризы, всё время смотрите в смартфон, где поставили на любимое имя картинку из розовых сердечек, и когда от него приходят сообщения, сердечки пульсируют, и ваше сердце тоже начинает колотиться... Вот что такое джаз!

В перерыве со сцены прыгнул пианист и подошёл к нашему столику, заказал всем кофе.

— Приветствую, маэстро! Как жизнь молодая? Всё машешь палочкой? Познакомь нас!

— Маргарита, — напомнила я «маэстро без имени», когда он рассеянно и вопросительно посмотрел на меня. И добавила: — из Молодёжного оркестра.

— Это Маргарита, она играет в Молодёжном.

Пианист звал «маэстро» пойти куда-то праздновать после концерта. Потом обратился ко мне:

— За здоровье Бориса Ивановича обязательно надо выпить, без газа нету джаза; Маргарита, уговорите его! Вас тоже приглашаем!

Пришлось отказаться — дома ждал верный терпеливый Арно. Я сидела — вся в чёрном, с загадочным, как мне казалось, видом, маленькими глоточками отпивала кофе из крохотной чашечки и чувствовала себя почти Полиной Виардо...

Глава седьмая,

в которой работа прерывается и намечаются новые главы

Книга подвигалась медленно. Шарль Гуно, который всю жизнь находился в поисках самого себя, Шарль Гуно в поисках Шарля Гуно, не слишком поддавался рациональному пониманию. Приступая к этой работе, я беспокоилась, что характер выбранного персонажа — блеклый, и нужно будет искусственно «оживлять» биографию, придумать какой-то оригинальный приём подачи материала, но не допустить ни одной ноты фальши или развязности. По мере знакомства с главным героем мне открывались такие черты его характера, как склонность к таинственности и мистификации, способность очаровываться и страстно увлекаться, в общем, появлялась общность героя книги и автора...

...Заключительную главу я пишу на даче за своим старым письменным столом, ящики в нём заполнены всякой ерундой, которой дорожат «собиратели»: ракушки, крупная итальянская шишка в компании более мелких еловых и сосновых из Сестрорецкого леса, жёлуди в шапочках и без; стручок парижской акации, каштан, двухцветный красно-синий карандаш, гребешок, бабушкин медальон, в котором когда-то было отделение для пудры, а однажды был заточён жучок; несколько разрозненных фотографий, карманный словарь французского языка, завалы перламутровые пуговицы, парочка медных копеек и т.д. и т.п. Верхний ящик запирается на ключик, там лежит секретный юношеский дневник автора. Поднимаю взгляд от тетради — за окном виден залив, вдоль берега продвигается каноэ. Сегодня ветрено, солнце то прячется за тучи, то выходит, чтобы осветить купол Морского собора вдали, в Кронштадте; одно неловкое движение, и человек на каноэ рискует упасть в волны. Одно движение пера — и я снова оказываюсь в 19 веке, там, где Шарль Гуно искал свет истины, где Шарль Гуно искал себя, Шарля Гуно. Включаю ноут, вношу несколько исправлений. Файл почти готов, осталось проверить, не слишком ли много «яканья» в тексте, выровнять абзацы; может быть, стоит добавить эпиграфы каждой главе... нет, ещё не время нажать Enter и сказать «в путь!» Включаю «Светлую мелодию» Шарля Гуно. Как современно звучит музыка, написанная полтора века назад! Что это, челеста? Поиск завершён. Лира Божья, *l'ira του θεου*, звучи вечно!

Талантливые люди часто талантливы во многих областях искусства. Если бы Шарль Гуно не стал композитором, безусловно, он нашёл бы применение своим ху-

дожественным способностям; если бы он не стал рисовальщиком, мог бы, наверное, стать литератором. Его воспоминания о матери написаны выразительным поэтическим языком, многие его письма остроумны. Пора взяться за окончательное выстраивание книги, отсеивание лишнего, материала набралось очень много, Ник-Ник доволен, а я прибавляю всё новые и новые сведения, появляются новые главы.

После возвращения от церковной музыки к театру из-под пера Гуно выходят несколько опер, среди них особое место занимает «Фауст», премьера которого состоялась 19 марта 1859 года в парижском «Théâtre-Lyrique». Первые представления были встречены как публикой, так и критикой довольно прохладно; в дальнейшем успех снизилась окончательная редакция оперы, премьера которой состоялась 3 марта 1869 года в Париже, «Гранд-Опера». Новаторство и глубокие философские размышления не всегда сразу понятны публике. После непростой судьбы «Фауста», премьера которой совпала со смертью горячо любимой матери, Гуно заболевает серьёзным нервным расстройством. Его охватывает глубокая депрессия, но вмешивается счастливый случай: именно тогда друзья познакомили Шарля Гуно с поэмой провансальского поэта Фредерика Мистрала «Мирей», или, в транскрипции автора, «Mirèio»¹.

Поэма, написанная на провансальском языке в самом сердце Прованса о Провансе, проникнутая сильными чувствами влюбленных юноши и прелестной девушки, пропитанная воздухом Прованса с его мелодиями и звоном цикад, завораживающая красочными народными обрядами и танцами, напоенная красками оливковых рощ и бескрайних сиреневых лавандовых полей, нереальных в своём густом сиреневом, доходящем до лилового, ваноговском цвете, — эта патриархальная жизнь на плодородной земле поразила Шарля Гуно. Образная речь, изобилующая старинными оборотами, соловьи — герои многих старинных провансальских песен, культура трубадуров, мир природы Окситании — всё это заставило композитора испытать невиданное вдохновение. Наступило полное физическое выздоровление и духовное исцеление; Гуно настолько увлёкся новой темой, что решил написать на основе «Мирей» оперу. Композитор поражен этой идиллией, восторженно начинает работать и чувствует непреодолимое желание побывать «у истоков», окунуться в атмосферу Прованса. В начале марта 1863 года Шарль Гуно, отвечая на приглашение Фредерика Мистрала, на три месяца отправляется в Прованс; позднее он все впечатления перенесет в свою партию.

Самое поэтическое, проникновенное место в поэме «Мирей» — «Песня Магали»², эта песня стала в опере Гуно дуэтом Мирей и её возлюбленного Винсена. Многие поэты Серебряного века перевели эти необыкновенные строки. Здесь меня ждала ещё одна загадка: заимствовал ли Шарль Гуно для арии Мирей мелодию старинной народной песенки, ноты которой я нашла в конце поэмы 1859 года издания?

...Вчера вечером позвонил Ник-Ник:

— Маргарита, здравствуйте! Мы уезжаем на дачу, сами отдохнём и Альтик подышит, приезжайте к нам туда на пару деньков, захватите распечатанные материалы. Много у вас ещё работы? Особенно не торопитесь, но и не затягивайте, ещё предстоит всё согласовать в издательстве, особенно рассуждения о религии. — Иногда Ник-Ник бывает осторожен, как его Альтик.

— Не могу поставить точку, — отвечаю я. — Шарль Гуно ещё в Провансе, живёт в гостинице «Villa Verde»³ под псевдонимом «Месье Пепин», ходит на прогулки с Фредериком Мистралем, сочиняет; вскоре сюда приедет жена Гуно с сыном.

— А что потом?

— А потом он увлечётся певицей-англичанкой, изменит жене, уедет с той певичкой в Лондон, вот совпадение: будет жить в том же самом доме, где когда-то жил Диккенс; вскоре решит вернуться в Париж, к семье, письмом попросит эту истеричную особу вернуть ему забытые ноты и получит их в покорёженном, поцарапанном виде...

— Ах, как нехорошо, — вздыхает по телефону Ник-Ник. — А дальше?

— Напишет Реквием, — отвечаю я...

В 1884 году Шарль Гуно написал своё последнее произведение, ораторию «Смерть и жизнь»⁴ для солистов, хора и оркестра, в композицию которой, как составная часть, вошёл Реквием. Последние годы жизни Гуно провёл в знаменитом Сен-Клу под Парижем, занимаясь с молодым композитором А. Бюссе. 18 октября 1893 года Гуно умер.

¹ В 1904 году за это произведение, поэму «Мирей», Мистралу была присуждена Нобелевская премия по литературе «В знак признания новой оригинальности и подлинного вдохновения его поэтического производства, которое верно отражает естественный пейзаж и родной дух его народа, а также его значительную работу в качестве провансальского филолога».

² Магали, производное от Маргариты, прованс. Нашлась заметка в «Музыкальной газете» 1863 года: опера «Мирей» шла в Петербурге несколько раз.

³ Вилла Верде, «Зелёный город», сейчас называется «Hotel Gounod», автор и там побывал в 2019 г.

⁴ Ораториальная трилогия «Mors et vita».